

Ли Минбэй наклонился, чтобы рассмотреть его лицо:

— Сегодня под твоими глазами нет синяков. Ты помирился с Лу Хуайюй?

Се Цяо бросил на него взгляд и не ответил. Он с Лу Цзюэ вовсе не ссорился, так что и мириться было не с чем. В те дни он мучился лишь тем, знал ли Лу Цзюэ в прошлой жизни о его чувствах. Шестнадцатилетний Лу Хуайюй мог уловить его чувства в весёлой мелодии, так как же тридцатилетний Лу Хуайюй, более опытный в музыке, мог не понять?

Но потом он успокоился: знал он или нет, в сердце Лу Цзюэ был только его старший брат. Даже если бы он узнал, это лишь добавило бы разочарования и отчуждения.

Ли Минбэй, видя, что Се Цяо молчит, не стал настаивать. Он улыбнулся:

— Цяоэр, раз ты спас мне жизнь, я пришёл отблагодарить тебя. Завтра я пойду к императору и попрошу освободить тебя от моих уроков. Как тебе это?

Се Цяо почувствовал дрожь от такого обращения и строго ответил:

— Лучше не называй меня так, а то ночью кошмары сниться будут.

Девятилетнему — нет, после Нового года десятилетнему — телу ребёнка легко навредить.

Он замолчал, а затем добавил:

— Это, конечно, хорошо. Но...

На лице Се Цяо появилась фальшивая улыбка:

— Когда ты будешь просить моего старшего брата, скажи, что ты сам недостаточно умен, чтобы учить меня. Не говори: «Этот ребёнок глуп и слеп, я не могу его учить».

Ли Минбэй, чьи мысли были угаданы с точностью, на мгновение замолчал, но затем улыбнулся и кивнул:

— Хорошо. Я обещаю.

Се Цяо почувствовал облегчение.

...

На следующий день, как только Лу Цзюэ вернулся с аудиенции, он, не снимая придворного одеяния, поднял Се Цяо на руки. Се Цяо в тот момент сидел на корточках перед зимним цветком, подпирая подбородок рукой, и так глубоко задумался, что даже несколько раз вздохнул. Поэтому, когда его внезапно подняли, он вздрогнул.

— Брат Хуайюй? — Се Цяо моргнул своими чёрно-белыми глазами.

Лу Цзюэ одной рукой, как обычно, ущипнул за щеку Се Цяо, которая уже стала круглой и белой, и с улыбкой сказал:

— С сегодняшнего дня я временно твой учитель.

Се Цяо подумал, что Ли Минбэй на этот раз был достаточно любезен, и обнял шею Лу Цзюэ, улыбаясь. В его чёрных глазах блестели звёздочки:

— Я хочу, чтобы брат Хуайюй всегда учил меня. Я признаю только брата Хуайюй своим учителем.

Так что о «временном» и речи быть не могло. Он терпел все эти месяцы, так что просто «временно» его не устроит. В прошлой жизни из-за своего происхождения он до девяти лет не знал ни одного иероглифа, и Лу Цзюэ, держа его за руку, терпеливо учил его, никогда не проявляя раздражения. В этой жизни он тоже хотел, чтобы Лу Цзюэ вложил в него всё своё терпение, доброту, заботу и время.

Всё это было его, только его, и никто другой не мог отнять.

Лу Цзюэ рассмеялся. Он ткнул пальцем в ямочку на щеке Се Цяо и шутливо спросил:

— Ты так меня любишь?

Се Цяо замер, а затем серьёзно кивнул. Он смотрел в глаза Лу Цзюэ, полные света и улыбки:

— Я так люблю брата Хуайюй.

Больше, чем ты можешь себе представить.

Лу Цзюэ засмеялся ещё громче. Он понёс Се Цяо в кабинет и весело сказал:

— Тогда я обязательно буду хорошо тебя учить!

...

С того дня Се Цяо снова занял часть времени Лу Цзюэ, и он был очень доволен, но в то же время беспокоился за него.

Прикинув дни, он понял, что его старший брат, должно быть, уже влюбился в девушку из семьи Чжао — Тинтун. Лу Цзюэ сейчас, вероятно, очень тяжело на сердце, но каждый раз, возвращаясь с аудиенции и входя во двор, он всегда улыбался — он никогда не показывал свою печаль и боль.

Думая об этом, Се Цяо чувствовал ещё большее сострадание, но сейчас он был всего лишь десятилетним ребёнком и не мог утешить его напрямую. Даже если бы он играл двадцать мелодий в день, он не смог бы исцелить его душевные раны.

Се Цяо размышлял об этом, когда через несколько дней у ворот Дома Лу остановилась императорская карета.

В тот день император приехал скромно, даже карета была обычной, без императорского знака. Лу Цзюэ нёс Се Цяо к воротам, и император, улыбаясь, взял его на руки. Лу Цзюэ тоже сел в карету.

Увидев слишком яркую улыбку старшего брата, Се Цяо почувствовал, как сердце его сжалось.

Он невольно посмотрел на Лу Цзюэ, и тот, встретив его взгляд, улыбнулся, а затем слегка кашлянул.

— Хуайюй, с тобой всё в порядке? — спросил император.

Лу Цзюэ улыбнулся и покачал головой:

— Всё в порядке, наверное, просто простудился. Не беспокойтесь, завтра всё пройдёт.

Се Цяо смотрел на него с беспокойством, и Лу Цзюэ, заметив это, погладил его по голове:

— Не волнуйся, со мной всё в порядке.

Се Цяо подумал: как ты можешь быть в порядке? Сейчас твоё сердце, должно быть, разрывается от боли.

Потому что он уже догадался, куда старший брат везёт их.

Чтобы подтвердить свои догадки, Се Цяо спросил:

— Брат, куда ты меня везешь?

Се Чжэн улыбнулся ещё шире, он с силой потрепал Се Цяо по голове и загадочно сказал:

— Я везу тебя познакомиться с одной особой.

Тогда Се Цяо понял, что больше не нужно спрашивать, кто это. Он угадал — сегодня старший брат везёт его познакомиться с Чжао Тинтун.

Се Цяо снова посмотрел на Лу Цзюэ, видел его улыбку и чувствовал ещё большее сострадание.

Се Чжэн, заметив, что он всё время смотрит на Лу Цзюэ, поднял его к себе, постучал пальцем по лбу и, указывая на Лу Цзюэ, с лёгкой ревностью сказал:

— Ты же с ним живёшь, разве не насмотрелся? Я твой брат, а ты за эти дни даже не удосужился посмотреть на меня?

Се Цяо: «...»

Лу Цзюэ рядом засмеялся, и Се Цяо, глядя на него, почувствовал ещё большее беспокойство.

...

Карета проехала недолго и свернула в переулок, который был тихим и пустынным, даже на кирпичах дороги рос мох, что указывало на то, что это не было оживлённым местом.

В переулке было всего два-три дома, и карета остановилась у одного из них. Они вышли.

Выйдя, Се Цяо поднял голову и увидел, что на воротах дома висит табличка с иероглифами «Дом Чжао». Он невольно сжал пальцы Лу Цзюэ, которые были белыми, как нефрит. Лу Цзюэ, почувствовав, что его пальцы сжаты, подумал, что Се Цяо нервничает, и успокаивающе улыбнулся ему.

Чжао Чжанши уже ждал у ворот и, увидев императора, хотел поклониться, но Се Чжэн остановил его и повёл в дом.

...

Се Цяо увидел Чжао Тинтун в саду Дома Чжао. Сад, как и сам дом, был скромным, но изысканным. В саду росло несколько стройных бамбуков, а среди них — несколько персиковых деревьев, на которых только начали появляться листья и пара светло-розовых бутонов. Бамбук и персики не были искусственно подстрижены, что придавало саду естественную красоту. Видно было, что за садом ухаживал человек с тонким вкусом.

Чжао Тинтун, одетая в зелёное платье, стояла под персиковым деревом и ждала их. Увидев Се Чжэн, её глаза загорелись, как звёзды.

Это была радость при виде любимого человека. В глазах Се Чжэн был такой же свет.

Се Цяо тихо вздохнул и сжал пальцы Лу Цзюэ ещё сильнее.

— Цяоэр, это мисс Чжао, — представил Се Чжэн, похлопав Се Цяо по затылку.

— Здравствуй, сестра Чжао, — вежливо поклонился Се Цяо, проявляя уважение.

Сейчас было рано называть её невесткой, это могло бы смутить девушку, поэтому «сестра» было самым подходящим обращением. Она была хорошей девушкой, возлюбленной его старшего брата, и они были созданы друг для друга. Жаль только...

— Здравствуй, маленький принц, — тепло улыбнулась Чжао Тинтун.

— Зови его Цяоэр, — великодушно сказал Се Чжэн — всё равно скоро будем одной семьёй, называть его принцем слишком формально.

Чжао Тинтун слегка укоризненно посмотрела на Се Чжэн, но всё же изменила обращение. Она достала изящный мешочек и вручила его Се Цяо, улыбаясь:

— Я не знала, что тебе нравится, поэтому приготовила немного карамели. Недавно моя деревенская бабушка привезла мне молока, и я добавила его в конфеты. Попробуешь? Если понравится, я принесу ещё.

<http://bllate.org/book/15506/1377378>